

Дискуссия о профсоюзах на Урале

Валерий Кружинов, Зинаида Сокова

The discussion about trade unions in the Urals

Valery Kruzhinov, Zinaida Sokova
(both – University of Tyumen, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040185, EDN: JBDVTF

Острые споры о месте и роли профсоюзов начались сразу после прихода большевиков к власти и достигли апогея на исходе Гражданской войны, когда самые массовые общественные объединения попали под контроль государства и армии и превратились в их придаток. Это соответствовало сути военно-коммунистической системы, возводившей государственное принуждение в определяющий, постоянно действующий элемент социальной жизни, однако провоцировало широкое недовольство и сопротивление. Обычным явлением стали конфликты профсоюзных работников с военными и хозяйственными руководителями, одних групп профессионалистов с другими, рабочих – с администрациями предприятий. Положение осложнялось тем, что попытки расставить новые акценты в профсоюзной политике вызвали раскол в партийном руководстве, угрожавший равновесию на вершине пирамиды власти. В этих условиях состоявшийся 24 декабря 1920 г. пленум ЦК РКП(б) перенёс обсуждение вопроса о профсоюзах на X съезд партии и объявил предсъездовскую дискуссию, захватившую вскоре широкие массы коммунистов.

История профсоюзной дискуссии давно вызывает интерес среди отечественных и зарубежных исследователей. В их работах с разной степенью достоверности проанализированы истоки и основные этапы развернувшейся борьбы, её влияние на эволюцию советской политической системы и большевизма, на судьбы профессионального движения¹. Вместе с тем многие аспекты этой проблемы ещё не получили адекватного отражения в историографии, нуждаются в коррективах и дополнениях. Сфокусировав внимание на высших эшелонах большевистской партии и лидерах противостоящих группировок, историки сделали лишь первые шаги к изучению политического поведения основной массы коммунистов. Между тем позиция последних в условиях укрупнения субъектов внутрипартийной конфронтации приобретала всёвозрастающее значение и определялась не только импульсами «сверху». Сложившаяся историографическая ситуация обуславливается многими причинами. Одна из основных – не-

© 2022 г. В.М. Кружинов, З.Н. Сокова

¹ Daniels R.V. The conscience of the revolution: communist opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960. S. 128–142; Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов (Октябрь 1917–1937 гг.). М., 1976. С. 95–124; Tsuji Y. The debate on the Trade Unions, 1920–21 // Revolutionary Russia. 1989. Vol. 2. Iss. 1. P. 31–100; Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. С. 205–217; Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП(б) о профсоюзах (1920–1922 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев, А.А. Данилов и др. М., 1995. С. 99–108; Войтиков С.С. Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП(б) в 1919–1921 гг. // Российская история. 2016. № 1. С. 44–66; и др.

достаточное введение в научный оборот региональных документов, осмысление которых позволяет расширить исследовательское пространство проблемы, проанализировать её с учётом особенностей дискуссии на разных «этажах» партийной вертикали, взаимодействия «верхов» и «низов», центра и провинции.

В данной статье история профсоюзной дискуссии исследуется на материалах Урала. В них отразился широкий спектр разнонаправленных тенденций внутренней жизни правящей партии: от стремления сторонников различных платформ к фракционному размежеванию до сплочения их перед угрозой кризиса и ослабления политических позиций большевизма.

Дискуссия о профсоюзах — беспрецедентное событие в истории РКП(б). Ни до, ни после неё не допускалось такого разнообразия платформ, как в последние дни 1920 — первые месяцы 1921 г. Со своими программами выступили группы В.И. Ленина — Г.Е. Зиновьева («платформа десяти»), Л.Д. Троцкого («платформа пяти»), А.Г. Шляпникова («рабочая оппозиция»), президиум ВСНХ. Всего было выдвинуто семь коллективных и несколько индивидуальных платформ. Однако главное внимание привлекли идеи Троцкого и Ленина. Первый предложил слить союзные и хозяйственные органы в единое целое и довести процесс огосударствления профсоюзов до логического завершения. Второй же считал такой шаг преждевременным и акцентировал внимание на специфике профсоюзов как самостоятельных организаций трудящихся, созданных для защиты их интересов.

Существенное влияние на характер начавшейся дискуссии оказала высокая степень идеологизированности. Большевистская традиция придавала любым внутрипартийным разногласиям ярко выраженную политическую окраску. Споры сопровождалась организационным обособлением сторонников разных платформ и взаимными обвинениями. Это отчётливо проявилось уже в первые дни дискуссии. Выступая 30 декабря 1920 г. на расширенном заседании коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов, Ленин объявил платформу Троцкого немарксистской и «политически вредной» и возложил на него и поддержавшего его Н.И. Бухарина ответственность за «кашу и кутерьму» в ЦК РКП(б)². В той же тональности были выдержаны доклады Зиновьева, Троцкого и другие выступления.

В обстановке взаимных обвинений многие участники заседания не сумели в полном объёме оценить позиции «вождей», полагая, что «в Москве просто переругались», и «спор идёт о личностях». Такого мнения придерживались, в частности, уральские делегаты, в том числе секретарь Екатеринбургского губкома Н.И. Уфимцев и член Уральского бюро ЦК С.В. Мрачковский. Под их влиянием 11 января 1921 г. Екатеринбургский губком принял и направил в ЦК резолюцию, которая запрещала публикацию материалов заседания фракции в местной печати³. По мнению одних историков, она нацеливалась против противников группы Ленина—Зиновьева⁴, по мнению других, напротив, выражала солидарность с ними⁵.

Данная разногласица подтолкнула нас провести дополнительный анализ этого документа. Очевидно, что ни та ни другая точка зрения не соответствует

² Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 210—211, 218, 226.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 1494, оп. 1, д. 47, л. 20.

⁴ Вяткин А.Я. Разгром Коммунистической партии троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920 — 1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966. С. 30.

⁵ Голованов Д.Д., Иванов В.П. Важная страница в истории советских профсоюзов // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 65.

ни содержанию, ни духу резолюции, которая носила «внефракционный» характер (по крайней мере, формально). В ней не давалось оценки дискусионным платформам, не говорилось об отношении к ним губкома. Зато прямо указывалось на связь резолюции с «грубыми, оскорбительными» формами полемики на заседании фракции VIII съезда Советов и попытками «вождей широкой партийной и беспартийной массы» использовать споры о профсоюзах для дискредитации оппонентов. Показательно, что за резолюцию голосовали как члены губкома, поддерживавшие позицию Троцкого, так и сторонники ленинской группы.

В те же дни комитет принял решение о созыве в середине февраля губернской партконференции, включил в её повестку вопрос о роли и задачах профсоюзов и сформировал комиссию для подготовки проекта соответствующего постановления. Предполагалось, что конференции будет предшествовать обсуждение вопросов профсоюзной жизни на собраниях ячеек, уездных и городских конференциях РКП(б). По схожей схеме намечалось организовать дискуссию и в других парторганизациях Урала. Однако вплоть до конца января 1921 г., а в Тюменской губ. — даже до начала февраля она так и не охватила широкие массы партийцев. С одной стороны, это объясняется тем, что парткомитеты привыкли решать все вопросы без участия «низов» и не торопились вовлекать их, а с другой — плохой информированностью рядовых коммунистов, нараставшей в их среде апатией. В этих условиях руководящие парторганы региона нередко «корректировали» первоначальные планы проведения дискуссии и выражали отношение к платформам, не дожидаясь результатов их обсуждения.

Так, когда 13 января фракция РКП(б) Екатеринбургского губернского совета профсоюзов, несмотря на сопротивление присутствовавшего на заседании Уфимцева, поддержала платформу «рабочей оппозиции», губком решил «перехватить инициативу» и уже на следующий день принял платформу Троцкого. Из восьми его членов возражал лишь И.Я. Тунтул. Однако, оказавшись в меньшинстве, он дал обязательство «в интересах единства воздержаться вне губкома от выступлений против такой позиции и, если это потребуются обстоятельствами, голосовать за неё»⁶. Решение вызвало недовольство у отдельных руководителей районных парторганизаций и хозяйственных работников. Если первые увидели в нём очередную попытку «верхов» навязать своё мнение «низам», то вторые опасались, что сращивание хозяйственных и профсоюзных органов приведёт к дальнейшему усилению милитаризации труда и ещё более дезорганизует экономику. Позиция Ленина представлялась хозяйственникам более гибкой и лишённой крайностей, присущих платформе Троцкого. Ленинскую позицию поддержали Промышленное бюро президиума ВСНХ на Урале (Уралпромбюро) и губернский совет народного хозяйства⁷.

Эти настроения отчётливо проявились на состоявшемся вечером 14 января собрании партийных работников Екатеринбурга. Проведённый нами анализ выступлений показывает, что в ленинской платформе её сторонникам импонировали прежде всего призыв к изменению методов управления (из восьми ораторов, поддержавших ленинскую платформу, на это обстоятельство обратили внимание шестеро), требование осторожного подхода к вопросу об огосударствлении профсоюзов (пятеро) и тезис о возрождении их защитной функции

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 312, л. 117.

⁷ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1141, л. 69.

(трое). В свою очередь оппоненты воспринимали эту программу как недостаточно эффективную для вывода страны из экономического хаоса. Так, из шести выступивших в поддержку Троцкого об этом говорили четверо. Напротив, призыв к структурной перестройке системы управления путём сращивания профсоюзных и хозяйственных органов воспринимался как реальный шаг на пути восстановления экономики. Причём этому обстоятельству они, судя по результатам голосования, придавали определяющее значение: 40 человек поддержали позицию Троцкого, 14 – группу Ленина и 6 – «рабочую оппозицию»⁸.

Определённое влияние на позицию участников собрания оказал информационный вакуум, в котором находилась Екатеринбургская организация РКП(б) после решения губкома, запретившего публикацию в местной печати выступлений на заседании комфракции VIII съезда Советов. В результате дискутирующие стороны оказались в неравном положении. Если с платформой Троцкого можно было ознакомиться по его брошюре «Роль и задачи профсоюзов», опубликованной в печатном органе Уралбюро ЦК и Екатеринбургского губкома – газете «Уральский рабочий», то о взглядах Ленина или Шляпникова чаще всего приходилось судить по той интерпретации, которая давалась этим взглядам их оппонентами.

Названная газета вообще заняла одностороннюю позицию. По нашим подсчётам, из 67 материалов, опубликованных в ней по предмету дискуссии, 48 (71,6%) поддерживали платформу Троцкого, 7 (10,4%) – Ленина, 4 (6%) – «рабочей оппозиции» и 8 (12%) носили нейтральный характер. Редакция отказалась опубликовать «Обращение к партии» Петроградской организации, которая, поддержав ленинскую группировку, предложила провести выборы делегатов на X съезд РКП(б) по платформам. По инициативе секретаря Уралбюро ЦК и редактора газеты В.А. Воробьёва 23 января этот вопрос специально обсуждался на объединённом заседании Уралбюро и Екатеринбургского губкома. По итогам был принят меморандум, обвинивший составителей «Обращения» в попытках превратить Петроград в центр подготовки партийного съезда и призвавший объединиться организации, «разделяющие принципиальную позицию Уралбюро и Екатеринбургского губкома»⁹.

В тот же день документ направили в ЦК, Петроградский губком, Сиббюро ЦК и секретарям губернских комитетов Уральского региона. Очевидно, сторонники Троцкого на местах стремились скоординировать действия по примеру ленинцев. Вне зависимости от их субъективных намерений это вело к образованию фракционного центра – аналогичного петроградскому, но под другим флагом. Судя по всему, этот шаг Уралбюро и губком согласовали с поддержавшими Троцкого секретарями ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинским и Е.А. Преображенским, ранее работавшими на Урале и сохранявшими связи с тамошними партийцами. По крайней мере, в конфиденциальных письмах Воробьёву и Уфимцеву (21 января с ними ознакомили и других членов бюро и губкома) они настойчиво советовали выступить с инициативой консолидации парторганизаций на основе платформ Троцкого, призывая «Красный Урал спасти партию»¹⁰.

Чтобы «организовать партийное мнение», Уралбюро приняло решение провести областное совещание руководителей руководителей губернских парторганизаций в Екатеринбурге 2–3 февраля. В его работе участвовали восемь человек – представители Екатеринбургского, Пермского, Тюменского и Уфимского губкомов.

⁸ Уральский рабочий. 1921. 18 января.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 312, л. 122–124.

¹⁰ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 45.

Челябинский губком отказался от участия, вместо этого пригласив на Урал Зиновьева¹¹. Обычно о решениях совещания судят по краткому газетному отчёту, опубликованному в «Уральском рабочем» 5 февраля. В нём, в частности, указано, что участники осудили «Обращение к партии» и высказались против выборов делегатов на X съезд РКП(б) по платформам. В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области нам удалось выявить копию постановления данного совещания (по-видимому, направленную Тюменскому губкому для ознакомления), которая позволяет внести коррективы в оценку его результатов. Так, анализ документа показывает, что о выступлении Петроградской организации в решениях совещания даже не упоминается. Вместо этого говорится, что «с самого начала в дискуссии о профсоюзах был взят ложный тон неделового обсуждения», который «толкнул партию... к фракционным группировкам вокруг разных точек зрения»¹².

Из этой фразы — ключевой в постановлении — следует, что организаторы не решились возложить ответственность за обострение внутрипартийной борьбы на ту или иную группировку. Они заняли «внефракционную» позицию, которая позволяла каждой из сторон толковать данный пункт резолюции по своему усмотрению (отсюда и его интерпретация «Уральским рабочим», поддерживавшим Троцкого). Думается, что только этим можно объяснить странное, на первый взгляд, единодушие, с которым как «троцкисты» — В.А. Воробьёв и А. Симашко (Екатеринбург), С.П. Агеев, А.В. Семаков (Тюмень), так и ленинцы — И.Я. Тунтул (Екатеринбург), Т.С. Кривов (Уфа) и М.Н. Лукоянов (Пермь) — приняли данный пункт постановления¹³.

Решение совещания и газетный отчёт о нём совпадают в негативном отношении к выборам по платформам: «Как способ, закрепляющий группировки, сложившиеся по одному из вопросов порядка дня съезда, считать неприемлемым». Из пометок на тексте копии видно, что при обсуждении этого вопроса произошёл раскол — часть присутствовавших считала выборы по платформам допустимыми. Однако их позиция не получила поддержки большинства¹⁴. В то же время следует иметь в виду, что из-за неопределённости статуса таких совещаний их решения носили скорее символический характер и не являлись обязательными. Главный результат состоял в том, что организаторы не сумели (или не решились) включить в постановление пункт о поддержке платформы Троцкого и объединить вокруг неё все парторганизации Урала. В этом смысле совещание закончилось для них безрезультатно.

В конце января 1921 г. обсуждение вопроса о профсоюзах перенеслось в районные парторганизации Екатеринбургa. В течение полутора–двух недель прошли до 270 дискусионных собраний, в которых, по нашим подсчётам, участвовало около половины коммунистов города¹⁵. На этом этапе дискуссии отчётливо проявились недостатки платформы Троцкого, прежде всего её несовпадение с интересами и настроениями рядовых коммунистов. Сохраняя,

¹¹ Объединённый государственный архив Челябинской области, ф. 77, оп. 1, д. 226а, л. 19.

¹² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИ ТО), ф. 1, оп. 3, д. 196, л. 24–24 об.

¹³ Авторы не располагают сведениями о позиции ещё одного участника совещания — А.Н. Поскрёбышева (Уфа), хотя по косвенным данным можно предположить, что он поддерживал платформу Ленина.

¹⁴ ГАСПИ ТО, ф. 1, оп. 3, д. 196, л. 24 об.

¹⁵ ЦДОО СО, ф. 225, оп. 1, д. 122, л. 2 об.

в отличие от партийных «верхов», многочисленные связи с беспартийной рабочей массой, они осознавали, что сращивание профсоюзных и хозяйственных органов принесёт лишь новые тяготы и окончательно превратит их в безмолвных исполнителей решений «верхов». При этом программа ленинской группы не давала новой концепции роли профсоюзов. В ней оставалось немало черт «военного коммунизма»: признание необходимости принудительного труда, участие профсоюзов в борьбе с «трудовым дезертизмом» и трудовых мобилизациях. Однако, отвергая идею огосударствления профсоюзов как главную перспективу их развития, она представляла их в качестве общественных организаций, которые должны заботиться о повседневной жизни трудящихся. Это вселяло надежду на возрождение защитной функции профсоюзов, к чему большинство рядовых коммунистов относилось с симпатией.

Для части коммунистов выбор позиции в дискуссии определялся личным отношением к тому или иному партийному лидеру. Так, на собрании одной из ячеек в качестве самого веского довода в пользу ленинской платформы приводилась такая аргументация: «Товарищи! Посмотрите на лицо т. Ленина (при этом оратор указывает на стоящий рядом ленинский бюст). Какое у него старое, измученное лицо. Как он, бедный, полысел за народ. Двадцать лет он борется за нас. Неужели мы пойдём против Ленина?»¹⁶. Среди других обстоятельств, оказавших влияние на формирование партийного мнения, стал приезд в город группы агитаторов-ленинцев из Петрограда во главе с Д. Бедным. Они привезли с собой литературу в защиту ленинской платформы и организовали ряд собраний, которые нередко проходили с соблюдением правил конспирации — не допускались оппоненты, ораторы выступали под вымышленными фамилиями и т.д. В ходившем в рукописном виде по городу стихотворении Бедный так описал работу в Екатеринбурге: «Я спрятался в подполье, / А на собрании ходил с фамилией иною. / Я просто был на нелегальном положении — / Вот она дискуссия о профдвижении»¹⁷.

Совокупность этих факторов предопределила исход дискуссии. На собраниях первого и третьего районов за ленинскую платформу голосовали 90% коммунистов, в четвёртом — 98,6%¹⁸. Лишь на собрании второго района большинство голосов (57,1%) получила «платформа пяти». «Такое явление, — говорилось в отчёте райкома, — можно объяснить тем, что до общего собрания и на общем собрании всех членов партии ознакомили только с точкой зрения Троцкого и отчасти “рабочей оппозиции”», а о ленинцах говорили, что они «хотят из профсоюзов сделать похоронное бюро». После приезда петроградцев ситуация резко изменилась, «на собраниях по ячейкам, проходивших после общего собрания, огромным большинством прошёл проект Ленина»¹⁹.

В эти дни на время ушли в прошлое скука и формализм, характерные для партсобраний периода Гражданской войны, возросла посещаемость собраний. Многие из них продолжались до поздней ночи или даже переносились на следующий день из-за большого числа желающих выступить. В целом дискуссия показала, что обсуждение важнейших вопросов с участием широких масс коммунистов стимулировало внутрипартийную жизнь. В то же время стал очевиден низкий уровень политической культуры большинства её участников. Это осо-

¹⁶ Уральский рабочий. 1921. 1 февраля.

¹⁷ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 113.

¹⁸ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 2; д. 73, л. 3; ф. 2286, оп. 1, д. 20, л. 2.

¹⁹ Там же, ф. 225, оп. 1, д. 122, л. 69—69 об.

бенно проявилось в нарастании взаимной нетерпимости, нередко принимавшей форму борьбы за единство партии. Показателен в этом отношении эпизод с Тунтулом, который в «интересах сохранения единства» дал губкому обещание не выступать в поддержку ленинской платформы. Когда же он нарушил это обещание, губком принял решение об исключении его из своего состава²⁰.

Дискуссия достигла апогея в первой половине февраля, когда по приглашению сторонников в город прибыли Зиновьев и Троцкий. 7 февраля они выступили на городской конференции, которая должна была подвести итоги дискуссии и избрать делегатов на губернскую конференцию РКП(б). Зиновьев в своём докладе предложил перестроить взаимоотношения государства с союзами на основах партнёрства, положить конец «действиям нахрапом». Он резко критиковал программу Троцкого, объявив его «противником демократии», делающим ставку не на повышение роли масс в управлении, а на «хирургическое вмешательство» посредством слияния профсоюзного аппарата с хозяйственным. В свою очередь Троцкий указал на «абстрактную постановку» Зиновьевым вопроса о профсоюзах, голое теоретизирование в определении их как школы коммунизма, высказал ряд других, не лишённых оснований наблюдений. Однако, видя в профсоюзном руководителе прежде всего хозяйственника, он вновь выступил против защитной функции профсоюзов²¹.

После бурных прений конференция поддержала ленинскую платформу. За неё проголосовали 160 (80,8%) делегатов, в то время как за платформу Троцкого — 30 (15,2%), а «рабочей оппозиции» — 8 (4%). Конференция приняла написанное Зиновьевым «Обращение к партии от Екатеринбургской организации РКП(б)», призывавшее поддержать ленинскую группу. «Обращение» обвинило губком в «зажимании рта» оппонентам и поддержало выборы делегатов на съезд по платформам. Между тем на самой конференции этот принцип остался не реализован: сторонники Троцкого должны были получить 7 мандатов делегатов губконференции, но не получили ни одного²². В связи с этим они обжаловали решение конференции в Оргбюро ЦК РКП(б), которое предложило провести новые выборы. Но они не состоялись.

Почти одновременно с Екатеринбургом дискуссия началась и в уездных парторганизациях губернии, однако охватила сравнительно узкий слой партийцев — не более 20–25% состава. Прежде всего вне обсуждения оказалась основная масса сельских коммунистов, уровень общей подготовки которых порой был настолько низким, что разобраться в особенностях платформ они просто не могли. Если же проблемы дискуссии ставились, а затем предлагалось проголосовать за них в сельских ячейках, мотивация принятых решений обычно сводилась к заявлениям типа: «Мы за тов. Ленина, т[ак] к[ак] он никогда не ошибался и не может ошибаться», «Поддержать тезисы Бухарина и ввиду неувоения членами партии платформ назначить внеочередное собрание», «Ввиду недостатка материалов от каких-либо решений воздержаться»²³ и т.п.

Обсуждения прежде всего проходили на заседаниях уездных комитетов, на общих собраниях коммунистов уездных центров, а затем на уездных конференциях РКП(б). Из 692 делегатов последних 440 (63,6%) поддержали ленин-

²⁰ Там же, ф. 1494, оп. 1, д. 47, л. 28 об.

²¹ Уральский рабочий. 1921. 9 февраля.

²² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 85

²³ Там же, ф. 76, оп. 1, д. 270, л. 12 об.; ф. 225, оп. 1, д. 159, л. 1 об.; ф. 1398, оп. 1, д. 143, л. 12.

скую платформу, 211 (30,4%) – программу Троцкого, 35 (5,1%) – «рабочую оппозицию», 6 (0,9%) воздержались²⁴. Однако победа ленинской платформы в губернской организации оказалась относительной. С одной стороны, часть поддержавших её членов партии не сумела понять смысл и содержание новых подходов к вопросу о профсоюзах и в практических действиях по-прежнему опиралась на старые представления и приёмы работы. С другой – дискуссия охватила лишь около трети состава (около 50% в Екатеринбурге и не более 20–25% в уездах), не затронув основную массу коммунистов. Получается, что за платформу Ленина–Зиновьева проголосовали около четверти общей численности губернской организации РКП(б).

Окончательные результаты дискуссии подвела губернская конференция РКП(б) 18–22 февраля. Она осудила позицию губкома, который обвинялся в «обострении внутривнутрипартийных отношений и явной фракционности». Значительным большинством голосов оказалась поддержана платформа ленинской группы: 159 делегатов (76,8%), в то время как за платформу Троцкого высказались 34 (16,4%), а за «рабочую оппозицию» – 14 (6,8%). На X съезд РКП(б) (выборы проходили по платформам) первые получили 18 мандатов, вторые – 4, третьи – 1²⁵. Чтобы лишить побеждённых возможности влиять на руководство Екатеринбургской организацией РКП(б), ни одного из них (включая Уфимцева) в состав губкома не избрали. Одновременно «в целях большей объективности» пересмотрели состав редакционной коллегии «Уральского рабочего».

В Пермской губернской организации РКП(б) обсуждение дискуссионных вопросов началось с двух общегородских партийных собраний в Перми, состоявшихся 31 января и 5 февраля. На них точку зрения Троцкого отстаивал В.А. Антонов-Овсеенко, а позицию ленинской группы – П.А. Галанин (на первом собрании) и Г.Е. Зиновьев (на втором). Анализ этих выступлений не оставляет сомнений в том, что по мере расширения масштабов дискуссии нарастало противостояние между сторонниками разных платформ, сопровождавшееся нарушением этических норм и некорректными обвинениями. Это особенно проявилось в выступлении Зиновьева, обвинившего Троцкого в «антикрестьянском уклоне», создании «троцкистской группировки» и «других ошибках»²⁶. С целью дискредитации Троцкого также поднимался вопрос о его политической позиции в прошлом. Так, Галанин, выступая 7 февраля на партсобрании Мотовилихинского завода, напомнил: «До июльских событий 1917 г. Троцкий всегда шёл против нашей партии и задерживал развитие нашей пролетарской революции»²⁷. Аналогичные заявления звучали и в ячейках: «Голосуйте за Ленина, ведь он никогда не ошибался. А Троцкий всё время ошибается»²⁸.

Разумеется, использование подобных «аргументов» не было случайным. Оно характеризовало не только общий уровень политической культуры в большевистской партии, но и ту роль, которую играла в её жизни догматическая

²⁴ Подсчитано по: Уральский рабочий. 1921. 18 февраля; 6 марта; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области, ф. 2, оп. 1, д. 137, л. 51 об.; ЦДО СО, ф. 76, оп. 1, д. 270, л. 13; ф. 225, оп. 1, д. 105, л. 9 об.; ф. 1303, оп. 1, д. 22, л. 9 об.; ф. 1364, оп. 1, д. 185, л. 3, 8 об.; ф. 1398, оп. 1, д. 143, л. 7 об.

²⁵ ЦДО СО, ф. 76, оп. 1, д. 245, л. 69–69 об.

²⁶ Звезда (Пермь). 1921. 8 февраля.

²⁷ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ), ф. 620, оп. 3, д. 12, л. 9 об.

²⁸ Уральский рабочий. 1921. 1 февраля.

преданность идеологическим принципам. Любое отступление от них рассматривалось как предательство рабочего класса и социализма. Это существенно ослабляло позиции Троцкого и его сторонников, а в сочетании с другими обстоятельствами предопределило исход внутрипартийной борьбы в пользу «верных» ленинцев. Ленинскую платформу поддержали райкомы (за исключением Мотовилихинского) и районные организации Перми, а затем и общегородская конференция, на которой за неё голосовали 180 делегатов (83,4%), в то время как за программу Троцкого – 29 (13,4%)²⁹.

В партийных организациях сельских районов Пермской губ., как и в Екатеринбургской, дискуссия охватила сравнительно узкий слой коммунистов, в основном участников уездных конференций. Повсеместно принималась платформа ленинцев. На Оханской уездной конференции за неё голосовали все делегаты, на Кизеловской и Усольской – по 94%, на Пермской (уездной) – 87%³⁰, и т.д. Об окончательной расстановке сил в Пермской губернской парторганизации можно судить по результатам голосования на губернской конференции: из 230 делегатов ленинскую платформу поддержали 200 (87%), а позицию Троцкого – 30 (13%). Соответственно на X съезд партии отправились 11 делегатов – сторонников Ленина и только 1 от их главных оппонентов³¹.

По схожему сценарию прошла дискуссия в Уфимской и Челябинской губерниях. Критикуя противников, ленинцы акцентировали внимание на «недемократических тенденциях» в платформе Троцкого и «синдикализме» «рабочей оппозиции». В результате первый выставлялся как яростный сторонник военно-бюрократических методов управления, а вторые – в качестве «отступников» от основных принципов большевизма. Троцкий иронизировал по этому поводу: «Если о моей позиции здесь и говорили, то так излагали и представляли её, что я пришёл в полнейшее уныние и долго смотрел в зеркало, чтобы узнать: это я или не я?»³². Когда его сторонникам удавалось сместить акценты при разъяснении своей платформы, они могли рассчитывать на успех. Так произошло в Миассе (Челябинская губ.), где их программу поддержало городское собрание коммунистов. Однако в других организациях приняли ленинскую платформу. На Челябинской губконференции за неё голосовали 84,5% делегатов, а на Уфимской – 92%. Это обеспечило ленинцам значительное большинство в составе делегаций, направленных на X съезд³³.

Единственной делегацией от партийных организаций Урала, в составе которой сторонники ленинской платформы оказалась в меньшинстве, оказалась Тюменская. Пытаясь объяснить причины этого, исследователи обычно обращают внимание на напряжённую политическую обстановку в губернии, её «отдалённость от центра» или «узкую пролетарскую прослойку»³⁴. Однако нельзя не учитывать, что в значительной мере указанные факторы оказывали влияние и на соседние организации партии. Да и в самой Тюменской губ. троцкисты сумели получить незначительное большинство лишь в Туринске, в то время как

²⁹ Звезда. 1921. 16 февраля.

³⁰ Там же. 25, 28 февраля; Уральский рабочий. 1921. 6 марта; ПермГАНИ, ф. 61, оп. 4, д. 8, л. 8.

³¹ ПермГАНИ, ф. 557, оп. 3, д. 9, л. 12–14.

³² Советская правда (Челябинск). 1921. 9 февраля.

³³ Там же. 26 февраля; Уральский рабочий. 1921. 17 февраля.

³⁴ Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 92; *Бросалина М.К., Юкляевских В.А.* Из истории борьбы сибирских коммунистов с мелкобуржуазными уклонами в 1921–1922 гг. (по материалам Тюменской и Омской губернских партийных организаций) // Идеологическая работа партийных организаций. Тюмень, 1978. С. 28; и др.

в других городах и уездных центрах ленинцы одержали убедительную победу. Так, на районных собраниях в Тюмени за «платформу десяти» голосовали 75% коммунистов, на общегородском собрании членов партии в Тобольске — все³⁵. Иной оказалась расстановка сил в губкоме, который на протяжении всей дискуссии поддерживал платформу Троцкого, а при решающем голосовании 31 января за неё высказались пять членов губкома из восьми³⁶. Одновременно комитет принял решение не созывать губернскую конференцию, а представителей на X съезд направить без учёта их позиции в дискуссии. В результате из пяти тюменских делегатов двое поддерживали Троцкого, один был сторонником «рабочей оппозиции» и двое разделяли основные принципы ленинской платформы³⁷.

Всё это свидетельствует, что исход дискуссии в Тюменской организации зависел не только (и не столько) от факторов, характерных и для сопредельных регионов, сколько от специфических условий, прежде всего позиции местных руководящих партработников.

Окончательные результаты дискуссии на Урале свидетельствуют о внушительной победе ленинской линии. Из 22 уездных конференций, в повестке которых стоял вопрос о профсоюзах, 19 приняли «платформу десяти» и лишь три — программу Троцкого. Ленинскую позицию поддержали все четыре губернские конференции. Из 603 делегатов, участвовавших в их работе, за неё проголосовали 498 человек (82,6%), за Троцкого — 80 (13,3%), за «рабочую оппозицию» — 23 (3,8%) и за «децистов» — 2 (0,3%). На Урале разрыв в соотношении сил (82,6% за группу Ленина и 17,4% за остальные платформы) оказался даже бóльшим, чем в целом по стране (соответственно 77% и 21,6%³⁸). Как следствие, из 64 делегатов, направленных на X съезд РКП(б) от губернских организаций Урала, 48 (75%) поддерживали ленинскую платформу, 11 (17,2%) — программу Троцкого, 4 (6,2%) — «рабочую оппозицию» и 1 (1,6%) выступал как «децист»³⁹.

В ходе профсоюзной дискуссии остро встал вопрос раскола партии и, в связи с этим, необходимости укрепления её единства. Анализ постановлений, принятых большевистскими организациями Урала в январе — начале марта, показывает, что это положение включили в свои резолюции 20 из 35 районных и городских собраний и 24 из 32 уездных, городских и губернских конференций. Причём если в январе количество таких резолюций было относительно небольшим (4 из 17; 23,5%), то к концу дискуссии оно резко возросло (40 из 50; 80%). Мотивация подобных решений обычно сводилась к необходимости прекращения разлагающих партию нетоварищеских приёмов полемики и ликвидации фракционных группировок (7 резолюций), опасениям, что дискуссия вызовет оживление «контрреволюционной пропаганды», находившей отклик среди части населения (18 резолюций). В резолюциях, принимавшихся в последние недели дискуссии, требование «сомкнуть ряды» всё чаще связывалось с серьёзнейшей внутренней угрозой режиму — ширящимися крестьянскими восстаниями, а затем и событиями в Кронштадте (10 резолюций).

В этих условиях мысль о первостепенном значении партийного единства стала подлинным лейтмотивом состоявшегося в марте 1921 г. X съезда. Она

³⁵ ГАСПИ ТО, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 33; д. 82, л. 64; д. 113, л. 22; ф. 29, оп. 1, д. 32, л. 6.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 23 об.

³⁷ Там же, д. 1, л. 1; д. 16, л. 12.

³⁸ *Дмитренко С.Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов... С. 118.

³⁹ Подсчитано по: Советская правда. 1921. 26 февраля; Уральский рабочий. 1921. 17 февраля; ГАСПИ ТО, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 1; д. 16, л. 12; ПермГАНИ, ф. 557, оп. 3, д. 9, л. 12–14; ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 245, л. 69–69 об.

осознавалась не только «верхами», добивавшимися расширения возможностей дисциплинарного воздействия на «низы», но и основной массой коммунистов, опасавшихся, что в условиях всеобщего недовольства большевиками разногласия в партии приведут к ослаблению её позиций и утрате контроля над ситуацией в стране. Отражением таких настроений явились результаты голосования уральских делегатов: большинство из них поддержали резолюцию «О единстве партии». Против выступили лишь двое (Б.Н. Козловский, делегирован V Челябинской губконференцией; Т.С. Кривов, делегирован VIII Уфимской губконференцией), а один (П.В. Подкорытов, делегирован V Челябинской губконференцией) воздержался при голосовании по резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», осудившей взгляды «рабочей оппозиции».

Хотя поимённого голосования по вопросу о роли и задачах профсоюзов не проводилось, есть веские основания полагать, что основная масса уральских делегатов поддержала «платформу десяти». М.А. Бросалина даже утверждала, что, «уяснив суть дискуссии», такую позицию заняли и трое тюменских делегатов (из пяти), направленные на съезд как сторонники Троцкого или «рабочей оппозиции». При этом в одной своей публикации она ссылается на протоколы съезда, изданные в 1953 г.⁴⁰, а в другой — на эти же протоколы 1923 г. издания⁴¹. Между тем ни в 1923 г., ни в 1953 г. протоколы X съезда не издавались, в чём можно легко убедиться, ознакомившись, например, с выпускавшимся Книжной палатой «Ежегодником книги в СССР». В настоящее время мы располагаем тремя изданиями протоколов (стенографических отчётов) X съезда: 1921, 1933 и 1963 гг. Последним изданием как наиболее доступным и полным обычно и пользуются исследователи. Однако ни в этом, ни в предыдущих сведениях о голосовании тюменских делегатов за «платформу десяти» не содержится. В то же время переход участников съезда на сторону ленинской группировки случался. Так поступил, например, член ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов И.Г. Юшков (делегирован V Екатеринбургской губконференцией), который, будучи активным участником «рабочей оппозиции» на Урале, тем не менее поддержал не только «платформу десяти», но и направленную против его недавних единомышленников резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии»⁴².

Позиция основной массы региональных делегатов имела важные последствия. Она во многом определила направленность главных решений съезда и его результаты, позволив ленинцам одержать убедительную победу над оппонентами и осуществить кадровые изменения в партийных органах — Центральном комитете, Политбюро, Оргбюро и поддержавшем в ходе предсъездовской дискуссии Троцкого Секретариате⁴³. Дополненные решениями об укреплении единства партии, эти меры не только завершили процесс концентрации главных рычагов власти в руках ленинской группировки, но и определили направление эволюции всего внутрипартийного режима, ключевой функцией которого стала борьба с «фракционностью» и инакомыслием.

⁴⁰ Бросалина М.К. Борьба Тюменской партийной организации за идейное и организационное укрепление своих рядов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 17.

⁴¹ Бросалина М.К., Юкляевских В.А. Из истории борьбы сибирских коммунистов... С. 30.

⁴² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 773, 777, 778.

⁴³ Показательно, что от большевистских организаций Урала в состав ЦК РКП(б) вошёл ленинец Тунтул, но при этом были выведены ориентировавшиеся на Троцкого «старые уральцы» Крестинский и Преображенский.